

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15942

EDN: ELQBWG

О многомерности Акакия Акакиевича, или Почему в русской литературе нет образа «маленького человека»

И. А. Есаулов

Литературный институт им. А. М. Горького
(г. Москва, Российская Федерация)

Московский государственный институт международных отношений
(г. Москва, Российская Федерация)

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: ivan.esaulov@icloud.com

Аннотация. В статье пересматривается концепт «маленький человек» — как по отношению к герою гоголевской повести «Шинель» Акакию Акакиевичу, так и по отношению к другим персонажам вершинных произведений русской литературы. Гоголевский персонаж, как давно замечено, выполняет не только страдательную функцию, он в высшей степени отличается от того, что передавалось марксистским штампом — «типичные характеры в типичных обстоятельствах», обозначая так называемый «критический» реализм. В статье акцентируются нетипичные черты Акакия Акакиевича, свидетельствующие о его многомерности, несводимости к «типу». Если романтическая линия в изображении своего персонажа Гоголем уже отмечалась, как и житийная традиция, то традиция юродства по отношению к этому персонажу, в сущности, не рассматривалась. В статье полемически отвергаются новейшие попытки осуждения персонажа, которые исходят из буквалистски-законнических установок приложения к художественной литературе чуждых ей критерии. Истолкование сущности персонажа связано с рецептивной активностью исследователей: в одном случае он служит своего рода одномерной «иллюстрацией» социологических представлений о «должной» позиции литератора по отношению к исторической России (при этом многомерность в изображении человека редуцируется до презентации «типа»), в другом к нему прилагается явно не подразумеваемая Гоголем законническая «мера». В том и другом случаях подлинное понимание отсутствует. Не только Акакий Акакиевич, но и другие герои вершинных произведений русской литературы сопротивляются исследовательскому стремлению их «опредметить». Концепция «маленького человека» не определяет главного в русской литературе, она не только затемняет смысл ее произведений, но и уводит исследователей на ложный путь в их толковании, второстепенное и маргинальное представляя как основное и главное. Ведущий вектор русской классики не «гуманистический», но христианский, который хотя

и осложнен парафразтическим соединением православного предания с европейской культурой, но в своей глубине отечественная классика наследует все-таки именно православной традиции, в пределах которой «маленького человека» быть не может, ибо она — христоцентрична.

Ключевые слова: русская литература, аксиология, христианская традиция, юродство, Гоголь, повесть, «Шинель», антропология, маленький человек

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, № 24-18-00636 «Русская литературная критика как целостный феномен: многообразие исторических форм и взаимная дополнительность ценностно-методологических оснований», <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского).

Для цитирования: Есаулов И. А. О многомерности Акакия Акакиевича, или Почему в русской литературе нет образа «маленького человека» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 112–132. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15942. EDN: ELQBWG

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15942

EDN: ELQBWG

On the Multidimensionality of Akaki Akakievich, or Why There Is No Image of a “Little Man” in Russian Literature

Ivan A. Esaulov

*The Maxim Gorky Literature Institute
(Moscow, Russian Federation)*

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
(Moscow, Russian Federation)*

*Russian Christian Humanitarian Academy Named After F. M. Dostoevsky
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: ivan.esaulov@icloud.com

Abstract. The article revises the concept of the “little man” — both in relation to the character of Gogol’s short novel “The Overcoat” Akaki Akakievich, and in relation to other characters of the crowning works of Russian literature. Gogol’s character, as has long been noted, does not merely have a passive role, he is significantly different from what was conveyed by the Marxist cliché — “typical characters in typical circumstances,” which denotes the so-called “critical” realism. The article emphasizes the atypical features of Akaki Akakievich, indicating his multidimensionality, irreducibility to a “type.” The romantic plot line in Gogol’s depiction of his character has already been noted, as well as the hagiographic tradition, while the tradition of “foolishness for

Christ" in relation to this character has not essentially been considered. The article polemically rejects the most recent attempts to condemn this character, which stem from the literalist and legalistic attitudes of applying criteria alien to fiction. The interpretation of the essence of the character is connected with the receptive activity of researchers: in one case, he serves as a kind of one-dimensional "illustration" of sociological ideas about the "proper" position of a writer in relation to historical Russia (in this case, the multidimensionality of a person's depiction is reduced to the representation of a "type"), in another case, a legalistic "measure" that is clearly not implied by Gogol, is applied to him. In both cases, there is no genuine understanding. Not only Akaki Akakievich, but also other characters of the crowning works of Russian literature resist the researchers' desire to "objectify" them. The concept of the "little man" does not define the main concept in Russian literature, it not only obscures the meaning of its works, but also leads researchers down a false path in their interpretation, presenting the secondary and marginal as the main and essential. The main vector of Russian classics is not "humanistic", but Christian. While complicated by the paraphrastic connection of Orthodox tradition with European culture, at its heart, Russian classics are still successors to the specifically Orthodox tradition, within which there can be no "little man", for it is Christocentric.

Keywords: Russian literature, axiology, Christian tradition, foolishness for Christ, Gogol, short novel, "The Overcoat", anthropology, the little man

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00636 "Russian Literary Criticism as a Holistic Phenomenon: Diversity of Historical Forms and Mutual Complementarity of Value-Methodological Foundations", <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>; Russian Christian Humanitarian Academy Named After F. M. Dostoevsky).

For citation: Esaulov I. A. On the Multidimensionality of Akaki Akakievich, or Why There Is No Image of a "Little Man" in Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 4, pp. 112–132. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15942. EDN: ELQBWG (In Russ.)

Акакию Акакиевичу суждена была долгая посмертная жизнь — не только в повести «Шинель», но и в разнообразных, иногда взаимоисключающих, ее интерпретациях. Чаще всего ему приходилось быть своего рода наглядным пособием, или, другими словами, смиренно репрезентировать образ некоего «маленького человека». И это обозначение, отсутствующее в самом гоголевском тексте, Акакий Акакиевич принимал с таким же смирением, как и то, что сослуживцы «сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом» [Гоголь: 143].

Но если в повести Гоголя персонажу в конце концов удалось — таки поймать за воротник то «значительное лицо» [Гоголь:

163], которое его так сильно обидело, то со странной репутацией «маленького человека» (которую он приобрел в нашем филологическом цехе), дело обстоит куда более печально. Полагаю, что пришло время освободить, наконец, Акакия Акакиевича от этой этикетки (или, лучше сказать, клейма).

Гоголевский персонаж — именно в силу своей многомерности — отнюдь не соответствует этой словесной этикетке. И дело не только в том, что «генеральская шинель» оказалась ему в итоге, как подчеркивается в тексте, «совершенно по плечам» (курсив мой. — И. Е.) [Гоголь: 173]. Вспомним при этом, что генерал-то был отнюдь не «маленьким»: он имел «богатырскую наружность» (курсив мой. — И. Е.). Но и этого богатыря-генерала наш персонаж «поймал за воротник» [Гоголь: 173], что вряд ли было бы по силам Акакию Акакиевичу, оставаясь он сам «маленьким человеком». Дело, однако, и не в том только, что смиреннейший персонаж оказывается сначала бунтарем, а затем и мстителем.

Дело в том, что есть еще более существенное обстоятельство, не позволяющее Акакия Акакиевича так характеризовать: в отличие от всех своих товарищей, сослуживцев-чиновников, он и в своей земной жизни имел одну особенность.

Его литературные сотоварищи — Евгений из «Медного всадника», Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» — еще могут, хотя и с некоторой натяжкой, о которой ниже, воплощать определенный «типаж». А вот у гоголевского персонажа, помимо низкого — в социальном отношении — чина титулярного советника, который он сам же решительно не желал повышать, имеется и нечто необыкновенное: *свой собственный иной мир*, максимально далекий от прозаической повседневности.

Если другие чиновники — филистыры, обыватели, то Акакий Акакиевич — *романтик*, наследующий именно романтической традиции. Этим он, как романтик, и отличается от «толпы».

«Он не думал вовсе о своем платье <...>. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник...» [Гоголь: 145].

Переписывание для него не внешняя «служба», но погружение в особую вселенную:

«Там <...> ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир...» [Гоголь: 144].

Он любит (вполне бескорыстно, до самозабвения) *сам процесс письма*, живет им:

«Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами...» [Гоголь: 144].

Никакого прагматического смысла эта любовь (как и всякая настоящая любовь) не имеет. Как мы помним, иной раз Акакий Акакиевич и у себя дома «снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя» [Гоголь: 145].

Если «чиновный народ» после службы предается пошлому досугу, как и полагается «толпе» в романтических произведениях¹, романтик Акакий Акакиевич еще не подозревая, что его «назначат» маленьким человеком, продолжает жить в совершенно другом измерении, в другом мире², и «когда всё стремится развлечься», «написавшись в-сласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог даст переписывать завтра» (курсив мой. — И. Е.) [Гоголь: 146]. И, что особенно важно подчеркнуть, Акакий Акакиевич, «умел быть довольным своим жребием» (курсив мой. — И. Е.) [Гоголь: 146].

¹ Ср.: «... чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматривание кое-каких шляпенок; кто на вечер истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет, просто, к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоявшей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний; <...> все чиновники расходятся по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, <...> или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о команданте, которому пришли сказать, что подрублена хвост у лошади Фальконетова монумента...» [Гоголь: 146].

² Поэтому представлению о том, будто бы «ничтожный Акакий Акакиевич <...> мало чем отличается от окружающего мира» [Виноградов: 230, 232], противоречит сам текст гоголевской повести.

Романтические черты гоголевского персонажа были уже справедливо отмечены в свое время (см.: [Манн, 1978: 384–386], [Маркович: 81–87]). К сожалению, это не привело исследователей к переосмыслению того, что, со ссылкой на В. Г. Белинского³, и было названо «маленьким человеком».

Так что мы имеем все основания подчеркнуть: если «маленькому человеку» полагается «репрезентировать» жизнь определенного слоя общества, то гоголевский персонаж замечателен ровно *противоположным*: он резко *выделяется* из общего ряда как в своей земной жизни, так и в посмертном существовании.

Нельзя не сказать и о том, что в нашем литературоведении с некоторого времени стала проявляться и другая тенденция — сурового осуждения Акакия Акакиевича (см., например: [Бухаркин], [Виноградов]). Это может показаться скверным анекдотом, но попрекают его именно за *шинель*, за то, что, гоголевскими словами, «перед самым концом жизни» у него «мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь...» (курсив мой. — И. Е.) [Гоголь: 169].

Согласно назидательно-законнической логике, слишком уж Акакий Акакиевич прилепился к своей новой шинели, слишком уж радуется ей, а надо бы, очевидно, оставаться «маленьким человеком» и символизировать угнетенный народ своим старым *капотом*, зачем он не замерзает в нем насмерть? Зачем он вместо этого так доволен своей новой шинелью, прямо-таки как «подругой» [Гоголь: 154], зачем любуется «сукном и подкладкой» [Гоголь: 158] — вместо того, чтобы углубиться в духовные запросы? Зачем так возлюбил земное, что после обретения новой шинели «после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал⁴ на постели, пока не потемнело» [Гоголь: 158]?

³ В. Г. Белинский писал: «Сделайся наш городничий генералом — и, когда он живет в уездном городе, горе маленькому человеку... тогда из комедии могла бы выйти трагедия для "маленького человека"»... [Белинский: 468].

⁴ Дабы посильнее заклеймить гоголевского персонажа, уличить его в отсутствии должной «жертвенности» по отношению к службе [Виноградов: 224], привлекается и черновая редакция «Шинели», в которой Акакий Акакиевич в свободное от службы время «отлеживался во всю волю на кровати» [Гоголь: 448]. При этом совершенно игнорируется и шутливый тон Гоголя

Самого Н. В. Гоголя, который лучшие годы своей жизни провел в роскошной Италии и любил пить кофе в *Греко*, лучшей римской кофейне, отчего-то не попрекают «земным, слишком земным», а вот его персонажа попрекают — *шинелью*⁵: то есть тем, что у него единственном-то и появилось — как защита от «сильного врага всех получающих четыреста рублей в год жалования» [Гоголь: 147].

Такого рода филологическое законничество, суть которого — инкриминировать и без того обижаемому Акакию Акакиевичу еще и бездуховность⁶, сближается с претензиями Макара

в окончательной редакции («так немножко посибаритствовал»), и, главное, то, что в этой последней редакции писатель смягчает первоначальный вариант. В целом тенденция привлекать в качестве решающего аргумента отброшенные автором варианты (равно как и уравнивать канонический художественный текст с массивом биографических сведений, у которых были самые разные pragmatische функции) не представляется научно продуктивной — и возвращает литературоведение к уже как будто преодоленному в истории филологии «биографизму» (см. подробнее: [Есаулов, 2010; 2021: 36–37]).

⁵ Ср.: «История Акакия Акакиевича становится развернутой иллюстрацией к евангельским словам: он, вопреки предостережению, стремится собирать богатства на земле...» [Бухаркин: 118]. В гоголевском тексте действительно имеется целый перечень всех «богатств», которые собрал «на земле» персонаж: «...пучок гусиных перьев, десь белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот» [Гоголь: 168].

⁶ Ср.: «...Акакий Акакиевич прежде всего человек, выбравший мир, а не Бога, земное, а не небесное» [Бухаркин: 119]. Равно как инкриминированное персонажу «неисполнение высоких, священных обязанностей государственной службы», по формулировке И. А. Виноградова (однако никак не подтверждаемой текстом самой гоголевской повести). Так, совершенно игнорируется, что на месте Акакия Акакиевича после его кончины «сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставлявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее» [Гоголь: 169], иными словами, гораздо хужеправлявшийся со своими «обязанностями» переписчика. Как представляется Виноградову, «исполнение служебных обязанностей — в их подлинном <...> значении — решило бы <...> и проблему "шинели", проблему материального достатка» [Виноградов: 222, 221], однако в том-то и дело, что *шинель* в поэтическом мире Гоголя отнюдь не сводится к «материальному достатку» (как и *переписывание* для персонажа также далеко не является только лишь средством заработка). Замечу, что и «тему "мертвой души" рядового, "маленького" человека», по мнению цитируемого мной исследователя, «основополагающую тему повести» [Виноградов: 229], он «доказывает» не рассмотрением поэтики самого произведения в его целом, а словно бы поверх текста, преимущественно обращаясь к нехудожественным источникам. Поэтому резко критикуя

Девушкина, который желал бы прямого назидательного авторского добавления: мол, почему бы не показать *прямо*, что персонаж «верил в Бога и умер <...> оплаканный» [Достоевский: 63].

«Значительное лицо», генерал, и тот «скоро по уходе бедного распеченного в-пух Акакия Акакиевича почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения <...>. ...он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как, и нельзя ли в самом деле чем помочь ему» [Гоголь: 171]. С позиций же филологического законничества (см. типологически сходный вариант: [Есаулов, 2008: 628–660]) несчастный Акакий Акакиевич *распекается* даже и за «какую-то даму», за которой было «побежал было вдруг» персонаж [Виноградов: 230] «неизвестно почему», невзирая на то, что «однакож он *тут же остановился* и пошел опять по-прежнему *очень тихо* (курсив мой. — И. Е.)» [Гоголь: 160], то есть преодолел искушение. Можно сказать, вспомнив гоголевский текст, в осуждении героя доминирует «строгость, строгость и — строгость» [Гоголь: 164].

Между тем помимо романтической линии, резко осложняющей «страдательную» функцию героя, в гоголевской повести имеется и еще одна традиция, на которую неоднократно обращалось внимание, — *житийная* (см., например: [Driessens], [Турбин: 82], [Гончаров: 160]). Наиболее концептуально убедительно ее проводит В. М. Маркович, подчеркивая в персонаже «очевидную предызбранность для будущего жизненного пути, безбрачие, отказ от жизненных благ и мирских соблазнов, исполнение черных работ, бегство от суеты, уклонение от любых возможностей возвышения, уединение, молчание, непреоборимую внутреннюю сосредоточенность на своей задаче» [Маркович: 83].

Конечно, эти житийные черты так или иначе осложняются и трансформируются (см., например: [Дилакторская: 163–165]), революционно-демократическую линию в истолковании «Шинели», Виноградов парадоксальным образом вполне соглашается с Н. Г. Чернышевским, цитируя его известные строки о том, что «Акакий Акакиевич <...> был круглый невежда и совершенный идиот» [Чернышевский: 857]. В огласовке же Виноградова герой — «ничтожный Башмачкин»: как ему представляется, повесть написана о «ничтожном чиновнике Акакии Акакиевиче» [Виноградов: 229]. В двух разных вариантах мы видим умаление и «опредмечивание» личности, низведение ее до «маленького человека».

как это вообще происходит чаще всего в художественной литературе Нового времени (см.: [Есаулов, 2005, 2009]). Однако же укорять Акакия Акакиевича тем, что в отличие от святого Акакия (из сорока мучеников Севастийских), он обрел новую шинель, а не замерз насмерть в старой, как замерзли мученики во льду Севастийского озера [Виноградов: 231], вряд ли продуктивно. Кажется, никто ведь и не утверждал, что гоголевский Акакий Акакиевич — *святой*, речь идет исключительно о наследовании *художественным текстом* Гоголя житийной традиции, а не о законническом назидательном «примере», прямой иллюстрации катехизиса.

Вот только какой именно житийной традиции наследует в данном случае Гоголь? По-видимому, речь идет о традиции *юродства* [Есаулов, 2017: 385–409], которой наследует и другой известный *переписчик* (и опять отнюдь не «маленький человек») — князь Мышкин (см.: [Есаулов, Тарасов, Сытина: 73–101]). У М. Н. Эпштейна имеется давняя работа, где, при сопоставлении этих двух переписчиков, удачно сформулировано, что они представляют собой «вариацию одного типа» [Эпштейн: 80], — вот только какого именно «типа» (помимо общей любви к переписыванию)? По-видимому, это особый тип смиренного юродства⁷.

Какова цель юродивого? Живя в «аду» здешнего падшего мира, заставить плакать над смешным, а тем самым содействовать спасению души; не только собственной, но, прежде всего, своих падших братьев во Христе. Достигается ли это в «Шинели»?

На «значительное лицо» происшествие с шинелью оказало «сильное впечатление» [Гоголь: 173]; используя другую терминологию, оно его *вразумило*. Но то же самое можно сказать и об «одном молодом человеке», который «по примеру других, позволил было себе посмеяться» над Акакием Акакиевичем, но затем, «как будто всё переменилось перед ним и показалось в другом виде» [Гоголь: 143–144]. Итак, «мертвые» прежде «души» персонажей оживали: и решающей причиной тому становится именно Акакий Акакиевич.

⁷ См. общую работу по теме, указывающую на богатую православную традицию: [Дорофеева: 158–195].

Замечу, что и косноязычие гоголевского персонажа часто являлось также особенностью как раз *юродивых*. Так, осколок этого косноязычия, от которого не избавился и *посмертно* Акакий Акакиевич, мы видим в последней в тексте тираде персонажа: «...наконец я тебя *того*, поймал за воротник» (курсив мой. — И. Е.) [Гоголь: 172]. Собственно, по этому слову — «*того*» — и можно *вербально* опознать в покойнике Акакия Акакиевича⁸. Так что затруднения с речью (не только устной, но и письменной — потому Акакий Акакиевичу и сложно «переменить кое-где глаголы из первого лица в третье» [Гоголь: 144]) — в русской культурной традиции вполне может отсылать читателя к косноязычию *юродивых*.

Теперь вернемся к той словесной этикетке, которая в нашем литературоведении обрела статус термина, — «маленький человек». Словарная статья с таким названием, за авторством Ю. В. Манна, имеется в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (а также в Большой российской энциклопедии). В качестве опоры на предшественников указан Белинский. В качестве примеров приводятся как раз «Шинель», «Станционный смотритель», «Бедные люди» (см.: [Манн, 2001]).

Однако сам историко-литературный материал (во всяком случае, в русской литературе) сопротивляется тесной увязке «психологии героя» с его «положением в социальной иерархии» [Манн, 2001]. Например, уже у Пушкина Самсон Вырин, помимо понятного читательского сочувствия, также обнаруживает некую многомерность, не случайно в эпиграфе к повести из стихотворения «Станция» П. А. Вяземского «коллежский

⁸ Эта речевая детализация позволяет скорректировать интерпретацию Ю. В. Манна, согласно которой «нигде призрак чиновника прямо не выступает как призрак Башмачкина, но везде — в виде явления, опосредованного психологическим состоянием встречавших его лиц»; «повествование не опирается на сколько-нибудь определенную идентификацию центрального персонажа и его двойника» [Манн, 2002: 195]. Точно так же требует уточнения и другое оценочное суждение нашего заслуженно известного и авторитетного гоголеведа: «Характерно, кстати, что о достоинствах почерка Акакия Акакиевича ничего не говорится» [Манн, 2002: 194]. Выше — в другой связи — я уже обращал внимание на то, что сменивший Башмачкина «новый чиновник» выводил буквы «не таким прямым почерком (по сравнению с Акакием Акакиевичем. — И. Е.), а гораздо наклоннее и косее» [Гоголь: 169]: так что речь у Гоголя идет именно о «достоинствах почерка» своего героя.

регистратор» иронически подан как «почтовой станции диктатор» (пушкинский же герой вполне всерьез и пытается стать подобным «диктатором» судьбы дочери, будучи не готов «отпустить» свою «заблудшую овечку», не желая принимать ее собственного счастья с Минским). Самсон Вырин потому неправ, что пытается законническими лекалами мерить судьбу собственной дочери, ориентируясь на самом деле не на евангельскую притчу — с ее чудом возвращения, — а на ее осколленное, обрезанное, законническое, бюргерское подобие на немецких картинках: для него собственная дочь — не личность, которая может все-таки быть счастливой с любимым и любящим человеком, а всего только *дочь станционного смотрителя*, т. е. определяется лишь своей социальной ролью. Однако ни он сам, ни его дочь этой «ролью» не определяются и к ней не сводятся (см.: [Есаулов, 2012]; подробнее: [Есаулов, 2020а]).

Другой пушкинский персонаж — Евгений из «Медного всадника» — в своем «бунте» бросает вызов Петру как воплощению государственности, он становится в один ряд с бунтующими волнами, то есть с хтоническим хаосом, грозящим в поэме Пушкина великолепному имперскому Петербургу. Хотя для Евгения в равной мере враждебными оказываются как бушующая водная стихия, так и жестко усмиряющая ее неподвижная твердь, символом которой является «лик державца полумира» [Пушкин: 395], однако же нельзя не отметить, что бунт Евгения направлен не на «древнего душегубца», а именно на его усмирителя. Евгений в момент бунта становится союзником «разъяренных вод»: угрозу Петру «шепнул он, злобно задрожав» (ср. «...злые волны, / Как воры, лезут в окна»; «Еще кипели злобно волны») [Пушкин: 395, 387, 390]. Герой, страданиям которого невозможно не посочувствовать, одновременно изображается Пушкиным и «как обуянный силой черной», тогда как Петр, напротив, ассоциируется с противоположным духовным вектором («строитель чудотворный») [Пушкин: 395]. Не случайно венчающая «град Петров» «Адмиралтейская игла» — в отличие от «тьмы ночной» — «светла» [Пушкин: 381]. В этом же духовном контексте дерзновенно реализованная Петром возможность для России

«Ногою твердой стать при море» [Пушкин: 381] означает предельное обострение жесткого противоборства света и тьмы. Водная стихия, которая сравнивается со зверем («...ревела, / Котлом клокоча и клубясь, / И вдруг, как зверь остервенясь, / На город кинулась» [Пушкин: 386]), требует для себя столь же мощного противодействия и усмирения. Побежденная некогда Петром стихия моря грозит взять реванш («Пред нею / Всё побежало, всё вокруг / Вдруг опустело» [Пушкин: 386]). Тогда как Евгений впадает в гибельное оцепенение и бездействие, поддавшись «зверю»: «...как будто оклодован, / Как будто к мрамору прикован, / Сойти не может» [Пушкин: 389]. Однако — это ясно уже из «Вступления» — возможный реванш будущей стихии моря равнозначен духовному поражению России. Устойчивость и неколебимость «Петра творения» именно та «твердыня» России, которая противостоит неуправляемой стихии — с ее «бездной», «мраком» и «мглой»: «...стой / Неколебимо, как Россия, / Да умирится же с тобой / И побежденная стихия» [Пушкин: 381–382] (см. подробнее: [Есаулов, 1994]).

Редукция героев Пушкина, Гоголя и Достоевского до «маленького человека» была призвана акцентировать жестокий социум, показать персонажей в качестве жертв «недолжной» русской действительности, стать своего рода вечным укором — словно бы от лица русской литературы — «царизму» и, в конечном итоге, самому Государству Российскому.

Герои при подобной редукции лишаются собственной многомерности, объективируются и овнешняются, из *субъектов* художественного мира они превращаются в *предмет* для всевозможных, преимущественно социологических, манипуляций — то есть лишаются самодостаточности, воспринимаясь как функции, иными словами, насильственно превращаются в «тиpические характеристы в типических обстоятельствах» [Маркс, Энгельс: 6–7].

Приходится сделать вывод, что сама концепция «маленького человека», ставшая распространенной после критических упражнений Белинского и его последователей, является ложной. Сводя представление о человеке к его социальной роли, к его месту в социальной иерархии, она вступает в противоречие с христианским пониманием образа человека. Ср.

противоположное по смыслу евангельское повествование о «маленьком» Закхее (Лк. 19:1–10). Сама эта концепция — один из продуктов революционно-демократической мифологии (см.: [Есаулов, 1998]), по известным причинам слишком долго господствовавшей в нашей филологической науке.

Надо сказать, что в последние десятилетия мы видим убедительную корректировку подобной редуцированной установки. Так, В. Н. Захаров подчеркивает, что в художественном мире Достоевского нет ни «лишних», ни «маленьких» людей: «У него каждый человек велик. Даже Макар Девушкин, социально ничтожный герой первого романа Достоевского. Каждый безмерен и значим, у каждого — свое лицо» [Захаров, 1989: 44]⁹. И в самом деле, Достоевский художественно убедительно показал (вероятно, как никто до него), что любой человек может быть и добрым, и злым, и талантливым, и бездарным. Он только лишь не может быть, собственно, «маленьким» (а может лишь *казаться* таковым). Однако можно ли утверждать, что такой подход к человеку присущ исключительно гению Достоевского? Представляется, что он характеризует русскую литературу как таковую — в ее *вершинных* проявлениях.

Русская словесность Нового времени возникла как парафраз двух потоков — европейской литературы и православной культуры (см.: [Есаулов, 2019]). В ее произведениях память православной традиции проявляется в уже секулярном мире, но это такая секулярность, которая все-таки так или иначе помнит о своих христианских истоках, которые обнаруживаются текстуально.

Поэтому персонаж в вершинных произведениях русской словесности не может быть вполне объективирован, овнешнен,

⁹ В других формулировках: «"Маленький человек" оказался "большим". Уникальна динамика развертывания духовного величия "маленького человека" (да и само понятие "маленький человек" меньше всего подходит любым героям Достоевского — у них нет "предела", "потолка")» [Захаров, 1989: 40]; «У Достоевского <...> каждый безмерен, каждый Шекспир, каждый гений, в каждом человеке есть образ Божий, каждый способен сознать себя в словах и Слове» [Захаров, 2018: 7]; «Героев Достоевского часто называют "маленьким людьми". С социальной точки зрения это, может быть, и верно, но в онтологическом смысле это не так <...>. Каждый герой конгениален автору» [Захаров, 2019: 237–238]. См. также: [Захаров, 2013: 5–87].

обезличен, как бы выведен за пределы христианского представления о человеке, он не сводится к своей словно бы заведомо *страдательной* функции «маленького человека». В отечественной литературе — в ее магистральном векторе — человек вовсе не является «маленьким»: «простым», то есть одномерным существом, которое, будучи вполне объективировано, словно бы не может быть *личностью*, то есть лишен божественного Лика.

Концепция «маленького человека» не определяет *главного* в русской литературе, она еще может быть уместной по отношению к персонажам второстепенных авторов, их всевозможным антонам горемыкам: к Пушкину же, Гоголю и Достоевскому это понятие неприменимо: оно не только затемняет смысл их произведений, но уводит исследователей на ложный путь в их толковании, второстепенное и маргинальное представляя как основное и главное.

Как «Мертвые души» не являются романом, но поэмой [Есаулов, 2020b], основной вектор русской классики не «гуманистический», но христианский, который хотя и осложнен парафразическим соединением православного предания с европейской культурой, но в своей глубине наследует все-таки именно *православной* традиции, в которой «маленького человека» быть не может, ибо она — христоцентрична.

До сих пор, к сожалению, в системе нашего образования принято считать, что фраза «Все мы вышли из "Шинели" Гоголя» акцентирует несомненный приоритет изображения «маленького человека» для новой русской литературы.

Однако наша культура богаче подобных редуцированных ее истолкований, которые уже исчерпали свой созидательный потенциал и превратились в клише для механического заучивания. Поэтому от них давно пора освободиться. Например, поздний И. С. Шмелев полемически подчеркивал, что эта литература вышла не из гоголевской «Шинели», а «из духовной сущности русского народа, из томлений его по "правде Божией" на земле...» [Шмелев: 543].

Однако эта прекрасная писательская формулировка, на мой взгляд, все-таки не совсем точная, а потому нуждается в филологическом уточнении. Шмелев исходит, если использовать

таргуско-московский литературоведческий сленг, из того, что «купель Православия» и «Шинель» являются своего рода членами бинарной оппозиции, когда одно заведомо исключает другое. Однако это не так.

Гоголевская «Шинель» также вышла, прежде всего, «из купели Православия», поскольку в повести обнаруживается мерцание гораздо более древней традиции, нежели романтическая. Сама же эта традиция православного юродства подразумевает испытание: способны ли мы увидеть в Акакии Акакиевиче, как это смог «молодой человек», своего брата во Христе — либо же только овнешненного «маленького человека»? Какой мерой мы мерим героя, такой отмерится и нам.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3. 684 с.
2. Бухаркин П. Е. Риторика и смысл: очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 168 с. EDN: ZSKH1B
3. Виноградов И. А. «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 214–239 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (10.07.2025). EDN: RUYKXP
4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. 725 с.
5. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с. EDN: RQDAXP
6. Диляторская О. Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 204 с.
7. Дорофеева Л. Г. Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века). Калининград: Аксиос, 2013. 436 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20223535_45398995.pdf (10.07.2025). EDN: RAOISR
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1. 519 с.
9. Есаулов И. А. Мифопоэтика морской стихии в русской литературе (некоторые наблюдения) // Морской вектор в судьбах России: история, философия, культура. IV Крымские Пушкинские чтения. Симферополь, 1994. С. 28–30.
10. Есаулов И. А. Революционно-демократическая мифология как фундамент советской истории русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 191–201 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2492> (10.07.2025). EDN: RUYKFN

11. Есаулов И. А. Христианская традиция и художественное творчество // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 17–28 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2565> (10.07.2025). EDN: RUYLIT
12. Есаулов И. А. О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 606–660 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (10.07.2025). EDN: RUYMSN
13. Есаулов И. А. Традиция и предание как принципы понимания художественного текста // Теория традиции: христианство и русская словесность. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 21–40.
14. Есаулов И. А. Биография, творчество и понимание Гоголя: теоретические проблемы // Н. В. Гоголь и русская литература: к 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятые Гоголевские чтения: сб. докладов Междунар. науч. конф., Москва, 1–5 апреля 2009 года. М.: Фестпартнер, 2010. С. 68–74.
15. Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 25–30 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (10.07.2025). EDN: PIXFGR
16. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 550 с.
17. Есаулов И. А. Парадиз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (10.07.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. EDN: XDDAMV
18. Есаулов И. А. О любви. Радикальная интерпретації. Магаданъ: Новое время, 2020. 216 с. (а)
19. Есаулов И. А. Родное и вселенское в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: парадрастический контекст понимания // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 175–210 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582894223.pdf (10.07.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7322. EDN: SPIJIS (б)
20. Есаулов И. А. Мимесис, катарсис, парафрасис в художественном творчестве и некоторые эстетические установки Гоголя // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф., Москва, 8–10 октября 2020 года. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2021. С. 31–38 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49931377_37664620.pdf (10.07.2025). EDN: PVKYWJ
21. Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. М.: Индрик, 2021.

- 336 с. [Электронный ресурс]. URL: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/analiz_dost.2021_mak.pdf (10.07.2025).
22. Захаров В. Н. Что открыл Достоевский в «Бедных людях»? // Достоевский и современность: тезисы выступлений на «Старорусских чтениях». Новгород, 1989. С. 37–41.
23. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
24. Захаров В. Н. Кто гений? Кто Шекспир? Из антропологических открытий Достоевского // Русская словесность. 2018. № 2. С. 3–8 [Электронный ресурс]. URL: http://www.schoolpress.ru/products/rubria/index.php?ID=81458&SECTION_ID=46 (10.07.2025). EDN: PHBWRM
25. Захаров В. Н. Антропологический принцип Достоевского // Междисциплинарный синтез гуманитарных наук в эпоху социокультурных и исторических трансформаций: опыт «Русского пути»: сб. мат-лов Всеросс. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 29–31 мая 2019 года. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 234–243. EDN: QWMZLF
26. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978. 398 с. EDN: UENMKF
27. Манн Ю. В. Маленький человек // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 494–495.
28. Манн Ю. В. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою» // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 170–200 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/zametki-o-neevklidovoj-geometrii-gogolya-ili-silnye-krizisy-chuvstvuyemye-tselyou-massoyu/> (10.07.2025). EDN: RGEACZ
29. Маркович В. М. Петербургские повести Н. Гоголя. Л.: Худож. лит., 1989. 208 с.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве: [сб.]: в 2 т. М.: Искусство, 1967. Т. 1. 584 с.
31. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 4. 595 с.
32. Турбин В. Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов: об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 239 с.
33. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 7: Статьи и рецензии. 1860–1861. 1094 с.
34. Шмелев И. С. Творчество А. П. Чехова // Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Рус. кн., 1999. Т. 7 (доп.). С. 542–552.
35. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX вв. М.: Сов. писатель, 1988. 416 с.
36. Driessen F. C. Gogol as a Short-Story Writer: a Study of His Technique of Composition. The Hague; London: Mouton and Co, 1965. 243 p. (Ser.: Slavistische drukken en herdrukken; 57.)

References

1. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 3. 684 p. (In Russ.)
2. Bukharkin P. E. *Ritorika i smysl: ocherki* [Rhetoric and Meaning: Essays]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2001. 168 p. EDN: ZSKHIB (In Russ.)
3. Vinogradov I. A. "I Am Your Brother". On N. V. Gogol's Short Novel "Overcoat". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 214–239. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2643> (accessed on July 10, 2025). EDN: RUYKXP (In Russ.)
4. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [The Complete Works: in 14 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 3. 725 p. (In Russ.)
5. Goncharov S. A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-mysticheskom kontekste* [Gogol's Works in a Religious and Mystical Context]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 1997. 340 p. EDN: RQDAXP (In Russ.)
6. Dilaktorskaya O. G. *Fantasticheskoe v "Peterburgskikh povestiyakh" N. V. Gogolya* [The Fantastic in N. V. Gogol's "Petersburg Tales"]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 1986. 204 p. (In Russ.)
7. Doroфеева L. G. *Chelovek smirennyy v agiografii Drevney Rusi (XI — perva-ya tret' XVII veka)* [The Humble Man in the Hagiography of Ancient Rus' (11th — First Third of the 17th Century)]. Kaliningrad, Aksios Publ., 2013. 436 p. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20223535_45398995.pdf (accessed on July 10, 2025). EDN: RAOISR (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 1. 519 p. (In Russ.)
9. Esaulov I. A. Mythopoetics of the Sea Element in Russian Literature (Some Observations). In: *Morskoy vektor v sud'bakh Rossii: istoriya, filosofiya, kul'tura: materialy IV Krymskikh Pushkinskikh chteniy, g. Feodosiya, 12–17 sentyabrya 1994 g.* [The Maritime Vector in the Fate of Russia: History, Philosophy, Culture: Proceedings of the 4th Crimean Pushkin Readings, Feodosia, September 12–17, 1994]. Simferopol, The Crimean Research Centre for the Humanities Publ., 1994, pp. 28–30. (In Russ.)
10. Esaulov I. A. Revolutionary-Democratic Mythology as the Basis of Soviet History of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 191–201. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2492> (accessed on July 10, 2025). EDN: RUYKFN (In Russ.)
11. Esaulov I. A. Christian Tradition and Art Creation. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 17–28. Available at: <https://poetica>.

- pro/journal/article.php?id=2565 (accessed on July 10, 2025). EDN: RUYLIT (In Russ.)
12. Esaulov I. A. On the Scylla of the Liberal Progressism and the Charybdis of Dogmatic Regional Government in the Study of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 606–660. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (accessed on July 10, 2025). EDN: RUYMSN (In Russ.)
  13. Esaulov I. A. Tradition and Legend as Principles of Understanding a Literary Text. In: *Teoriya traditsii: khristianstvo i russkaya slovesnost'* [Theory of Tradition: Christianity and Russian Literature]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 21–40. (In Russ.)
  14. Esaulov I. A. Biography, Works and Understanding of Gogol: Theoretical Problems. In: N. V. Gogol' i russkaya literatura: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo pisatelya. Devyatye Gogolevskie chteniya: sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 1–5 aprelya 2009 goda [N. V. Gogol and Russian Literature: on the 200th Anniversary of the Great Writer's Birth. The Ninth Gogol Readings: a Collection of Papers from the International Scientific Conference, Moscow, April 1–5, 2009]. Moscow, Festpartner Publ., 2010, pp. 68–74. (In Russ.)
  15. Esaulov I. A. On the Sacred Meaning of "Station Master" by Alexander Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 25–30. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (accessed on July 10, 2025). EDN: PIXFGR (In Russ.)
  16. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian Classics: New Understanding]. 3rd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)
  17. Esaulov I. A. Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (to the Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (accessed on July 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. EDN: XDDAMV (In Russ.)
  18. Esaulov I. A. *O lyubvi. Radikal'nye interpretatsii* [About Love. Radical Interpretations]. Magadan, Novoe vremya Publ., 2020. 216 p. (In Russ.)
  19. Esaulov I. A. The Native and the Universal in the "Dead Souls" by N. V. Gogol: a Paraphrastic Context of Understanding. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 175–210. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582894223.pdf (accessed on July 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7322. EDN: SPIJIS (In Russ.) (b)
  20. Esaulov I. A. Mimesis, Catharsis, Paraphrasis in Artistic Works and Some Aesthetic Principles of Gogol. In: *Gogol' i mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. Dvadsatye Gogolevskie chteniya: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 8–10 oktyabrya 2020 goda* [Gogol and World Artistic Culture. The Twentieth Gogol Readings:

- a Collection of Research Papers Based on the Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, October 8–10, 2020]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom Publ., 2021, pp. 31–38. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49931377_37664620.pdf (accessed on July 10, 2025). EDN: PVKYWJ (In Russ.)*
21. Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. *Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo [Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Dostoevsky's Heritage]*. Moscow, Indrik Publ., 2021. 336 p. Available at: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/analiz_dost.2021_mak.pdf (accessed on July 10, 2025). (In Russ.)
  22. Zakharov V. N. What Did Dostoevsky Discover in “Poor People”? In: *Dostoevskiy i sovremennost': tezisy vystupleniy na “Starorusskikh chteniyakh” [Dostoevsky and Modernity: Speech Thesis of the Studies in Staraya Russa]*. Novgorod, 1989, pp. 37–41. (In Russ.)
  23. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy: ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky: An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
  24. Zakharov V. N. Who Is a Genius, Who Is Shakespeare? From the Anthropological Discoveries of Dostoevsky. In: *Russkaya slovesnost'*, 2018, no. 2, pp. 3–8. Available at: http://www.schoolpress.ru/products/rubria/index.php?ID=81458&SECTION_ID=46 (accessed on July 10, 2025). EDN: PHBWRM (In Russ.)
  25. Zakharov V. N. Dostoevsky's Anthropological Principle. In: *Mezhdisciplinarnyy sintez gumanitarnykh nauk v epokhu sotsiokul'turnykh i istoricheskikh transformatsiy: opyt “Russkogo puti”: sbornik materialov Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 29–31 maya 2019 goda [Interdisciplinary Synthesis of the Humanities in the Era of Socio-cultural and Historical Transformations: The Experience of the “Russian Way”: Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, St. Petersburg, May 29–31, 2019]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 234–243. EDN: QWMZLF (In Russ.)
  26. Mann Yu. V. *Poetika Gogolya [Gogol's Poetics]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978. 398 p. EDN: UENMKF (In Russ.)
  27. Mann Yu. V. Little Man. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]*. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 494–495. (In Russ.)
  28. Mann Yu. V. Notes on Gogol's “Non-Euclidean Geometry”, or “Strong Crises Felt by the Entire Mass”. In: *Voprosy literatury*, 2002, no. 4, pp. 170–200. Available at: <https://voplit.ru/article/zametki-o-neevklidovoj-geometrii-gogolya-ili-silnye-krizisy-chuvstvuemye-tselyou-massoyu/> (accessed on July 10, 2025). EDN: RGEACZ (In Russ.)
  29. Markovich V. M. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya [St. Petersburg Short Novels by N. V. Gogol]*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 210 p. (In Russ.)

30. Marx K., Engels F. *Ob iskusstve: sbornik: v 2 tomakh* [About Art: a Collection: in 2 Vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1967, vol. 1. 584 p. (In Russ.)
31. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [The Complete Works: in 10 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963, vol. 4. 595 p. (In Russ.)
32. Turbin V. N. *Pushkin. Gogol'. Lermontov: ob izuchenii literaturnykh zhanrov* [Pushkin. Gogol. Lermontov: on the Study of Literary Genres]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978. 239 p. (In Russ.)
33. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [The Complete Works: in 15 Vols]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1950, vol. 7. 1094 p. (In Russ.)
34. Shmelyov I. S. The Works of A. P. Chekhov. In: *Shmelyov I. S. Sobranie sochineniy: v 5 tomakh* [Shmelyov I. S. Collected Works: in 5 Vols]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999, vol. 7 (additional), pp. 542–552. (In Russ.)
35. Эпштейн М. Н. *Paradoksy novizny: o literaturnom razvitiu XIX–XX vv.* [Paradoxes of Novelty: On Literary Development in the 19th–20th Centuries]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988. 416 p. (In Russ.)
36. Driessen F. C. *Gogol as a Short-Story Writer: a Study of His Technique of Composition*. The Hague, London, Mouton and Co Publ., 1965. 243 p. (Ser.: Slavic Printings and Reprints; 57.) (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Есаулов Иван Андреевич, доктор филологических наук, профессор, Литературный институт им. А. М. Горького (Тверской бульвар, 25, г. Москва, Российская Федерация, 123104); Московский государственный институт международных отношений (Проспект Вернадского, 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (наб. реки Фонтанки, 15, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-2088>; e-mail: ivan.esaulov@icloud.com.

Ivan A. Esaulov, PhD (Philology), Professor, The Maxim Gorky Literature Institute (Tverskoy bul'var 25, Moscow, 123104, Russian Federation); Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Prospekt Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russian Federation); Russian Christian Humanitarian Academy Named After F. M. Dostoevsky (nab. reki Fontanki 15, Saint-Petersburg, 191023, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5065-2088>; e-mail: ivan.esaulov@icloud.com.

Поступила в редакцию / Received 20.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.09.2025

Принята к публикации / Accepted 27.09.2025

Дата публикации / Date of publication 24.11.2025